

«Вся власть Советам!»

В последние, критические августовские дни Ленин оставался на нелегальном положении в столице Финляндии Гельсингфорсе. В Финляндии, входившей в состав Российской Империи с 1809 года, стремление финнов обрести национальную самостоятельность усложнило и очень усилило брожение, последовавшее за крахом царского режима. К тому же Гельсингфорс был основной базой Балтийского флота, где большевики вели активную работу и пользовались особенно большим влиянием среди матросов-балтийцев. В конце лета и начале осени 1917 года в Финляндии, как и повсюду в бывшей Российской Империи, социально-политический антагонизм резко обострился, возросла популярность в народных массах крайне левых политических программ. На проходившем с 9 по 12 сентября в Гельсингфорсе третьем Областном съезде Советов армии, флота и рабочих Финляндии был избран постоянный исполнительный комитет, в состав которого вошли почти исключительно большевики и левые эсеры. Придерживавшийся крайне левых взглядов большевик Ивар Смилга стал председателем Областного Исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, провозгласившего себя высшим органом политической власти в Финляндии.

Скрываясь в Гельсингфорсе, Ленин встречался с некоторыми лидерами финской социал-демократии. Вероятно, сильные позиции левых и все более напряженная, чреватая взрывом политическая ситуация в Финляндии способствовали формированию взглядов Ленина по общим вопросам дальнейшего развития революции. Однако прежде всего он был озабочен развитием революционных событий в Петрограде. Из Разлива в Финляндию Ленин перебрался 9 августа, и очень скоро ему удалось наладить довольно надежную связь с Центральным Комитетом. Петроградские газеты доставлялись Ленину, как правило, уже к вечеру следующего дня после выхода. То время, которое оставалось после жадного чтения газет и обдумывания новостей, он, по-видимому, всецело посвящал работе над книгой «Государство и революция», близившейся к завершению, и написанию политических статей для большевистской печати [1].

О том, что генерал Корнилов угрожает Петрограду, Ленин впервые узнал 28 августа, но газеты за этот день с первыми более или менее подробными сообщениями были доставлены только поздно вечером 29 августа. Среди этих газет, однако, не было большевистского «Рабочего», поэтому он оставался практически в полном неведении о действиях партии в сложившейся критической обстановке. Тем не менее утром 30 августа, с нетерпением ожидая новостей из Петрограда, Ленин написал письмо, в котором давал Центральному Комитету тактические рекомендации, свидетельствовавшие пусть о временном, но существенном сдвиге его взглядов на развитие революции. Ленин указывал, что угроза установления диктатуры правых резко изменила политическую ситуацию и соответственно партия должна пересмотреть свою тактику. Если в дни Московского совещания Ленин отметал слухи о контрреволюционном заговоре как «продуманную уловку меньшевиков и эсеров», то теперь он настаивал на объединении большевиков в борьбе против Корнилова. Не высказываясь по столь важному вопросу, как допустимые пределы сотрудничества большевиков с прочими социалистами, Ленин просто предупреждал, что большевики не должны ни оказывать правительству Керенского прямую поддержку и, ни стремиться, в данный момент, к его свержению. Задача борьбы с Керенским сводилась к разоблачению всеми возможными средствами его слабости и шатаний, а также к оказанию давления на правительство, чтобы заставить его выполнить такие «частичные требования», как арест Милюкова, вооружение рабочих, вызов флотских соединений в Петроград, роспуск Государственной думы, узаконивание передачи помещичьих земель крестьянам и введение рабочего контроля.

Признание необходимости координации действий большевиков и других политических групп против Корнилова и усиления агитации за выполнение «частичных требований» свидетельствовало об отходе Ленина от его прежних категорических возражений против какого бы то ни было сближения с меньшевиками и эсерами и утверждений, что главная задача партии большевиков — как можно скорее добиться непосредственного захвата власти пролетариатом. Как отмечалось выше, в последние дни августа большинство

лидеров петроградских большевиков заняло именно такую позицию. Для них, очевидно, было неожиданным то одобрение их образа действий, которое выразил Ленин в постскрипуме к письму в Центральный Комитет, написанном поздно вечером 30 августа, когда он прочел наконец свежие газеты, в том числе «Рабочего». «Прочитав, после написания этого, шесть номеров «Рабочего», — добавлял Ленин в постскрипуме,— должен сказать, что совпадение у нас получилось полное» [2].

Еще более очевидным свидетельством перемены во взглядах Ленина с началом корниловского мятежа явилась статья «О компромиссах», написанная им 1 сентября и через два дня доставленная в Петроград. В самом деле, эту статью трудно расценить иначе, как отступление от главных положений, на которых основывались ленинские указания VI съезду РСДРП(б), а именно: Советы — уже не революционные институты, меньшевики и эсеры — окончательные банкроты, насильственное взятие власти совершенно необходимо. Теперь, ввиду очевидной слабости Керенского, оказавшегося в изоляции, и будучи под впечатлением силы Советов, которую они продемонстрировали в борьбе против корниловского мятежа, а также учитывая явное усиление враждебных настроений меньшевиков и эсеров к самой идее дальнейшего развития сотрудничества с кадетами, Ленин фактически подтвердил возможность возврата к «мирной» доиюльской тактической программе, на проведении которой настаивали более умеренные большевики. Конкретно предложенный Лениным компромисс заключался в следующем: большевики временно снимают требование перехода власти к правительству, образованному представителями пролетариата и беднейшего крестьянства, и официально возвращаются к лозунгу «Вся власть Советам!». Меньшевики и эсеры берут власть в свои руки и формируют правительство, ответственное перед Советами. Политическая власть на всей территории России переходит к местным Советам, большевики в состав правительства не входят, но получают гарантии полной свободы действий в соответствии с их программой. В сущности, статья «О компромиссах» явилась выражением готовности отказаться от вооруженной борьбы и бороться за преобладание в Советах политическими средствами при условии, что меньшевики и эсеры порвут с буржуазией. По мнению Ленина, такое правительство в данный момент могло бы быть создано и упрочено вполне мирно и «обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение вперед всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма».

О создании Директории, об упорном нежелании большинства умеренных социалистов согласиться на образование исключительно социалистического правительства и их стремлении сформировать новый коалиционный кабинет из представителей буржуазии, хотя и без участия кадетов, Ленин узнал 3 сентября, когда собирался отправить статью «О компромиссах» в Петроград. Эти известия побудили его добавить к статье короткий постскрипум, в котором он пессимистически отмечал: «...А по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было еще возможно, тоже прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли» [3].

Однако Ленин и теперь не вполне отказался от идеи мирного развития революции. В течение первых полутора недель сентября он все еще думал о возможности компромисса. В определенной мере основанием для подобных надежд были непрерывные и предаваемые широкой гласности споры среди меньшевиков и эсеров по вопросу о будущем правительстве, а также обострение антагонизма между Керенским и эсеро-меньшевистскими лидерами Советов, о котором свидетельствовало, например, упорное сопротивление Комитета народной борьбы с контрреволюцией попыткам правительства распустить созданные во время корниловщины революционные комитеты. Во всяком случае, Ленин вернулся к вопросу о возможности компромисса с эсерами и меньшевиками и мирного развития революции в статьях этого периода «Задачи революции», «Русская революция и гражданская война» и «Один из коренных вопросов революции» [4].

В статье «Задачи революции», написанной примерно 6 сентября, но опубликованной только в конце месяца, Ленин более подробно изложил политический план, впервые предложенный в статье «О компромиссах». «Взяв всю власть, — настаивал Ленин, — Советы могли бы еще теперь — и, вероятно, это последний шанс их — обеспечить мирное

развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов» [5].

Через день или два Ленин написал статью «Один из коренных вопросов революции», которая была опубликована только 14 сентября. В этой статье он отмечал важность вопроса о государственной власти для развития всякой революции. Ленин разъяснил, почему он придает столь большое значение немедленному переходу всей власти к Советам:

«Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции...

Весь вопрос теперь в том, научилась ли чему-нибудь мелкобуржуазная демократия за эти великие полгода, необыкновенно богатые содержанием, или нет. Если нет, то революция погибла, и только победоносное восстание пролетариата сможет спасти ее. Если да, то надо начать с немедленного создания устойчивой, неколеблющейся, власти...

Только Советская власть могла бы быть устойчивой, только ее нельзя было бы свергнуть даже в самые бурные моменты самой бурной революции, только такая власть могла бы обеспечить постоянное, широкое развитие революции, мирную борьбу партий внутри Советов...»

Ленин разъяснил также, какой смысл он вкладывал в лозунг «Вся власть Советам!», призывая возвратиться к нему в статье «О компромиссах»:

«Но лозунг: «власть Советам» очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле: «министерство из партий советского большинства»...

«Власть Советам»— это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т.е. истинно демократическим аппаратом Советов, т.е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почину и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований».

Только Советская власть, утверждает Ленин, способна проявить достаточную смелость и решительность, чтобы ввести хлебную монополию и эффективный контроль над производством и распределением, ограничить выпуск бумажных денег, обеспечить правильный обмен хлеба на промышленные товары и т.п., то есть пойти на все те меры, которых требуют «невиданные тяжести и бедствия войны, неслыханная и самая грозная опасность разрухи и голода». Такой властью, по мнению Ленина, будет не что иное, как диктатура пролетариата и беднейших крестьян, о необходимости которой он говорил еще в Апрельских тезисах. В статье «Один из коренных вопросов революции» Ленин утверждает, что такая диктатура сломала бы сопротивление корниловцев и завершила бы демократизацию армии, что «девятьсот девять сотых армии были бы восторженными сторонниками такой диктатуры через два дня после ее установления», что она «дала бы землю крестьянам и всевластие крестьянским комитетам на местах», что крестьяне, несомненно, поддержали бы такую диктатуру. Далее Ленин пишет:

«Только диктатура пролетариев и беднейших крестьян способна сломить сопротивление капиталистов, проявить действительно величественную смелость и решительность власти, обеспечить себе восторженную, беззаветную, истинно героическую" поддержку масс и в армии, и в крестьянстве.

Власть Советам — единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным...» [6]

В статье «Русская революция и гражданская война», последней из данной серии, завершённой, вероятно, 9 сентября и опубликованной 16 сентября, Ленин писал о необоснованности опасений умеренных социалистов, которые боялись кровопролитной гражданской войны, якобы неизбежной в случае разрыва с буржуазией. Наоборот,

утверждал Ленин, дальнейшее затягивание создания советского правительства вызовет рост возмущения масс, и тогда вооруженное восстание рабочих и гражданская война станут действительно неизбежными. Восстание и война будут кровопролитными, но в любом случае пролетариат одержит триумфальную победу. По мнению Ленина, «исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения...». В подтверждение своих слов Ленин указал на беспомощность буржуазии во время корниловского мятежа, когда такой союз обеспечил «полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией...» [7].

Об атмосфере свободы дискуссий, характерной для партии большевиков в 1917 году, свидетельствует, в частности, тот факт, что даже ленинское предложение о более терпимом отношении к эсерам и меньшевикам было принято не без возражений. К тому времени, когда лидеры большевиков в Петрограде получили статью «О компромиссах», ЦИК уже официально отклонил предложенную большевиками 31 августа резолюцию «О власти». Издателям «Рабочего пути» компромисс такого рода, какой предлагал Ленин, представлялся неосуществимым. Член редакционной коллегии Григорий Сокольников впоследствии вспоминал, что первоначально статью не хотели печатать и лишь по настоянию Ленина решение было пересмотрено и статья была опубликована 6 сентября [8].

Против ленинской точки зрения, высказанной в статье «О компромиссах», возражали также некоторые члены всегда выступавшего за самые решительные действия Московского областного бюро [9] и придерживавшиеся наиболее левых взглядов лидеры Петербургского комитета, которые всего немногим более четырех недель до этого, на VI съезде РСДРП (б), поддерживали Ленина по вопросу о полном разрыве с умеренными социалистами и подготовке к вооруженному захвату власти и теперь были явно ошеломлены резкой переменой в его взглядах. Отрицательное отношение ряда лидеров петроградских большевиков к блоку с меньшевиками и эсерами стало очевидным при обсуждении текущего момента на заседании Петербургского комитета 7 сентября, уже на следующий день после опубликования статьи «О компромиссах» [10].

Прения открыл представитель Исполнительной комиссии А. Слуцкий. Соглашаясь с Лениным в том, что выступление Корнилова обусловило «полевение» масс и умеренных социалистов и даже, в некоторой степени, Советов, он возражал против сближения с меньшевиками и эсерами, утверждая, что главная задача партии заключается в том, чтобы удержать массы от преждевременных активных действий и готовиться к использованию Советов как боевых центров, посредством которых можно будет прийти к власти [11]. Г. Коломин, отличавшийся независимым суждением и еще в июльские дни проявивший себя как сторонник самых решительных действий, доказывал, что выступление Корнилова отнюдь не привело к сколько-нибудь существенному изменению позиций меньшевиков и эсеров и соответственно Советов. Он утверждал, что их сдвиг влево «не дает еще возможности думать, что Совет пойдет революционным путем... Наша позиция должна остаться неизменной. Наша цель — не идти рука об руку с вождями этих Советов, а стараться оторвать от них более революционные элементы или вести их за собой... Как на заводах, так и в крестьянской бедноте мы наблюдаем отход влево. Теперь нам думать о компромиссах смешно. Никаких компромиссов!.. Наша революция не та, что на Западе. Наша революция — пролетарская. Наша задача — укреплять позицию и, безусловно, готовиться к боевой схватке». Следует отметить, что высказывания представителя Центрального Комитета Бубнова скорее соответствовали настроениям Слуцкого и Коломина, чем точке зрения Ленина, выраженной им в статье «О компромиссах».

Трудно судить, в какой степени подобные настроения преобладали в то время среди членов Петербургского комитета, поскольку обсуждение текущего момента на заседании 7 сентября закончилось без принятия какой-либо резолюции. Во всяком случае, в данный момент, как и в предшествовавший июльским событиям период, в ближайшей перспективе мирный курс отвечал как программным установкам правых большевиков, таких, как

Каменев, которые утверждали, что Россия еще не готова к социалистической революции, и выступали в то время только лишь за создание социалистического коалиционного правительства с участием большевиков, провозглашение демократической республики и созыв Учредительного собрания, так и взглядам таких большевиков, как Ленин, Троцкий и лидеры петроградских партийных организаций, считавших переход власти к Советам и создание эсеро-меньшевистского правительства промежуточным этапом развития социалистической революции на пути к скорейшему установлению диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Несомненно, предложенный Лениным курс затронул чувствительную струну большинства членов Центрального Комитета. В первые недели сентября петроградские большевики под руководством ЦК сосредоточивали свои усилия не столько на дальнейшем углублении пропасти между ними и умеренными социалистами и подготовке масс к вооруженному захвату власти в духе ленинских указаний VI съезду РСДРП (б), сколько на решении задач по обеспечению возможности мирного развития революции. В частности, с новой энергией большевики повели борьбу за то, чтобы побудить колеблющиеся элементы в эсеро-меньшевистском лагере принять и поддержать принцип полного разрыва с буржуазией, активизировали борьбу за дальнейшее расширение и укрепление влияния партии в массовых организациях (главное, в Петроградском Совете). Усилия большевиков были направлены и на то, чтобы послать как можно больше своих делегатов на Демократическое совещание, назначенное на середину сентября и рассматривавшееся меньшевиками и эсерами как форум, на котором должен быть окончательно решен вопрос о коалиции и характере будущего правительства.

Особо важной задачей большевиков была борьба за влияние в Петроградском Совете. На заседании 31 августа, когда большинство проголосовало за политическую программу большевиков, присутствовало менее половины имевших право голоса депутатов. Значительную часть отсутствовавших депутатов составляли тогда державшие оборону за пределами столицы солдаты, на которых эсеры оказывали существенное влияние. Неудивительно поэтому, что умеренные социалисты оспаривали значение успеха большевиков 31 августа и рассчитывали на их поражение в ближайшее время.

Для пробы сил и относительного влияния партий в Петроградском Совете эсеро-меньшевистские стратеги выбрали вопрос о будущем составе президиума. С момента образования, то есть с марта 1917 года, Президиум Петроградского Совета состоял исключительно из меньшевиков и эсеров. Среди них были такие наиболее известные и авторитетные политические деятели, как Чхеидзе, Церетели, Чернов, Дан, Скобелев, Гоц и Анисимов. Теперь все они заявили о своем намерении сложить полномочия, если результаты голосования 31 августа не будут признаны недействительными и прежнее руководство не получит вотум доверия. Этот шаг эсеро-меньшевистских лидеров представлял немалую угрозу для большевиков, так как последние едва ли могли надеяться собрать достаточно голосов, чтобы одержать верх над столь видными политиками. Аннулирование результатов голосования 31 августа и вотум доверия меньшевикам и эсерам могли бы в немалой степени свести на нет недавние успехи большевиков в борьбе за более широкую поддержку масс.

Чтобы в какой-то мере застраховаться от подобного поражения, большевики предприняли попытку вывести на первый план процедурные вопросы и тем самым затушевать политическое значение голосования по составу президиума. В частности, они утверждали, что будет несправедливо, если в состав президиума, как и прежде, войдут только представители большинства. В противовес умеренным, предлагавшим сопоставить политические программы разных партий, сделать выбор и дать возможность представителям одержавших верх партий сформировать президиум, большевики настаивали на том, что единственно демократический подход — реорганизовать президиум по принципу пропорционального представительства и ввести в президиум соответствующее количество членов от партий и политических группировок, которые прежде не были в нем представлены. Этот план представлялся вполне разумным многим депутатам, которые склонялись влево, но не желали примкнуть к большевикам ценой разрыва со своими лидерами [12]. Отстаивая идею пропорционального представительства в Президиуме Петроградского Совета, Каменев убеждал таких колеблющихся депутатов в том, что если меньшевики и эсеры «признавали коалицию с буржуазией, то они согласятся на коалицию и с большевиками в президиуме».

Вопрос о реорганизации президиума был поставлен на голосование в начале заседания Петроградского Совета 9 сентября. Предложение большевиков было принято незначительным большинством голосов [13]. Ленин впоследствии критиковал лидеров большевистской фракции Петроградского Совета за приверженность идее пропорционального представительства, считая их поведение на выборах в президиум всего лишь еще одним примером неоправданно тесного сотрудничества своих соратников с другими социалистическими партиями в ущерб собственным целям. Однако оправданность этого тактического шага и целесообразность пропорционального представительства подтвердились уже на том же заседании, когда обсуждалось другое предложение большевиков — об изменении порядка представительства солдат в Совете — и выяснилось, что они еще не располагали надежным большинством в Петроградском Совете. Предложение большевиков не нашло поддержки большинства депутатов, и во избежание неминуемого поражения им пришлось в последний момент отказаться от намерения поставить свою резолюцию на голосование [14].

Маневры большевиков в Петроградском Совете в конце концов увенчались успехом. Когда были оглашены результаты голосования на заседании 9 сентября по вопросу о пропорциональном представительстве, большинство членов прежнего президиума демонстративно покинули зал, всем своим видом выражая крайнее раздражение и негодование. К 25 сентября руководство Петроградского Совета было полностью реорганизовано. В состав нового президиума вошли два эсера, один меньшевик и четыре большевика (Троцкий, Каменев, Рыков и Федоров). Троцкий сменил Чхеидзе на посту председателя [15].

Одновременно лидеры большевиков уделяли большое внимание Демократическому совещанию. 4 сентября 37 местным партийным организациям в разных районах страны Центральный Комитет направил телеграмму, а на следующий день — письмо, в котором сообщалось, что ЦК принял решение «приложить все усилия к созданию возможно более значительной и сплоченной группы из участников совещания, членов нашей партии». Большевикам на местах предлагалось, «ознакомившись точно с составом совещания, провести, где только возможно, своих товарищей» и направлять их непосредственно в Смольный «для более точного и подробного информирования о наших задачах на совещании» [16].

Когда был объявлен состав Демократического совещания, стало очевидно, что надеждам на то, что совещание отвергнет идею коалиции и предпримет шаги к созданию нового однородного социалистического правительства, едва ли суждено осуществиться. Представители Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городских дум, армейских организаций, профсоюзов и ряда других организаций получили 1198 мандатов. Однако количество мест для представителей городских Советов рабочих и солдат, а также профсоюзов, то есть организаций, где большевики имели наиболее сильные позиции, было невелико в сравнении с представительством сельских Советов, земств и кооперативов, в которых преобладали умеренные социалисты.

Большевики тем не менее не совсем отказались от мысли, что Демократическое совещание могло бы создать социалистическое правительство. На заседании 13 сентября Центральный Комитет избрал комиссию в составе Троцкого, Каменева, Сталина, Милютина и Рыкова, которой было поручено подготовить декларацию и резолюцию для Демократического совещания [17]. Отчасти основанная на письмах и статьях, написанных Лениным в начале сентября, сформулированная в подготовленной комиссией декларации революционная программа большевиков исходила из того, что мирное развитие революции все еще возможно и Демократическое совещание может и должно создать революционное правительство [18]. Подобно ленинской статье «О компромиссах», декларация большевиков по сути явилась выражением признания Советов органом революционной власти и призывом к прежним сторонникам коалиции решительно порвать с буржуазией. Категорически утверждалось, что большевики не пытались, не пытаются и не будут пытаться взять власть вопреки воле большинства трудящихся масс, что борьба за преобладание в Советах будет продолжаться в условиях полной свободы агитации и постоянного обновления их состава за счет притока новых депутатов из низов [19]. Вместе с тем в отличие от статьи «О компромиссах» возможность участия большевиков в советском

правительстве не исключалась [20]; по всей вероятности, в этом сказалось влияние Каменева.

Перед самым открытием Демократического совещания выяснилось, что опасения партийцев, придерживавшихся наиболее левых взглядов, относительно вероятного состава делегатов были вполне оправданными. Среди тех из прибывших на совещание делегатов, кто указал свою партийную принадлежность, оказались 532 эсера (в том числе 71 левый эсер), 172 меньшевика (из них 56 интернационалистов), 55 народных социалистов, 133 назвались беспартийными. Делегатов-большевиков было только 134 [21].

Однако в ходе предварительных совещаний по фракциям стало ясно, что среди умеренных социалистов отнюдь нет единства мнений по вопросу о коалиции с несоциалистическими партиями — разногласия по этому вопросу, возникшие в дни после выступления Корнилова, не только не исчезли, но даже углубились. Теперешнее отношение к коалиции многих лидеров меньшевиков и эсеров, прежде поддерживавших Временное правительство, выразил в первый день работы Демократического совещания меньшевик Богданов: «В переживаемый нами тяжелый момент... мы должны установить бесспорно, что у нас нет власти. У нас была правительственная чехарда, которая ничем не отличается от той чехарды, которая была при царском самодержавии. Эта правительственная чехарда ослабляет страну, непрерывная смена кабинетов привела к полному бесплодию, и в этом виноваты мы, революционная демократия, создавшая эту власть... Я сторонник коалиционного правительства, и я должен признать с болью, что главной причиной бездействия правительства был коалиционный состав его из представителей демократии и буржуазии» [22].

Итак, до открытия Демократического совещания и в первые дни его работы большевики еще могли надеяться на то, что большинство делегатов проголосует за разрыв с Керенским и создание однородного социалистического правительства. Эта надежда была выражена Зиновьевым в статье на первой странице газеты «Рабочий путь» за 13 сентября, которая, несомненно, распространялась среди прибывавших делегатов. В статье, озаглавленной «Наша победа и наши задачи», говорилось:

«...Главный вопрос, который стоит теперь перед каждым революционером, заключается в том, существуют ли еще и сейчас какие-нибудь шансы на мирное развитие революции и что нужно сделать, чтобы эти шансы усилить? И тут-то надо себе сказать: если существуют, то только в том случае, если между рабочим классом, окончательно пошедшим за нашей партией, и массой мелкобуржуазной демократии, идущей за эсерами и меньшевиками, состоится известный компромисс, известное соглашение... Честное соглашение с мелкобуржуазной демократией—да, это и желательно, и при известных условиях возможно! ...И открывающееся на днях Всероссийское демократическое совещание могло бы еще открыть путь для такого мирного исхода» [23].

Демократическое совещание открылось вечером 14 сентября в Александрийском театре (ныне Ленинградский государственный академический театр драмы им. А.С. Пушкина). Прибывшие со всех концов России делегаты заняли места в знаменитом старинном зрительном зале — в ложах, партере и на балконе. Делегаты разительно отличались от публики, заполнявшей этот зал в царские времена, и сам зал теперь выглядел совершенно иначе. Красная плюшевая обивка кресел и лож сливалась с морем красных революционных знамен. Поднятый занавес открывал сцену и декорацию, изображавшую большой зал с несколькими дверями, по бокам которых стояли искусственные пальмы и кусты можжевельника. Члены президиума расположились за длинным узким столом, пересекавшим всю сцену, перед столом стояла задрапированная кумачом кафедра, к которой была прикреплена табличка «Не курить».

В речи Каменева на первом заседании совещания, а также в выступлении Троцкого перед делегацией большевиков на следующий день недвусмысленно прозвучали надежды на то, что Демократическое совещание примет решение о создании нового правительства. Каменев выступил с довольно длинной речью, заявив, что шесть месяцев работы различных составов Временного правительства заставляют большевиков отказаться в доверии политике, «которая теперь возглавляется и министром Керенским». «Положение

настолько трагично, — утверждал Каменев, — что ни одного дня на эксперименты мы больше не имеем». Он заявил, что неспособность правительства дать отпор контрреволюционным силам в армии, неудачи в области сельского хозяйства и обеспечения страны продовольствием, а также во внешнеполитической сфере не являются следствием ошибок, допущенных тем или иным министром-социалистом, они обусловлены политическим влиянием буржуазии как класса: «Да, товарищи, не было еще ни одной революции, в которой осуществление идеалов трудящихся не вызывало бы смертельного ужаса контрреволюционных сил... Если демократия не захочет сейчас взять власть в свои руки, они должны открыто сказать себе: «Мы не верим в свои силы, а потому, Бурышкины и Кишкины [24], приходите и владейте нами, мы сами не умеем». Можно написать какую угодно программу, которая удовлетворит трудовую демократию, но будет чистой утопией думать, что такую программу искренно и честно будет проводить буржуазия» [25].

Далее Каменев сказал, что единственный возможный выход — передача государственной власти демократии, но не Совету рабочих и солдатских депутатов, а той демократии, которая в достаточной степени представлена на совещании. Необходимо создать новое правительство и орган, перед которым оно должно быть ответственно.

Троцкий, обращаясь к делегатам-большевикам, сказал, что по мере возможности следует прежде всего стремиться убедить участников совещания в необходимости порвать с буржуазией и взять на себя задачу создания нового правительства. В случае успеха это будет первым шагом к передаче всей власти Советам [26].

Следует отметить, что в отличие от Каменева, который выступал за создание демократического коалиционного правительства на широкой основе, то есть с участием представителей разных политических группировок, приславших делегатов на совещание, Троцкий настаивал на передаче всей власти Советам. Это весьма существенное обстоятельство отражало коренное различие во взглядах на развитие русской революции, которому вскоре суждено было стать источником одного из самых острых и значительных внутренних противоречий в истории большевизма. В рамках рассматриваемой темы, однако, главное заключается в том, что и Каменев и Троцкий, а вместе с ними большинство петроградских большевиков положительно расценивали работу Демократического совещания и перспективы мирного развития революции.

Если учесть, что в тот момент среди большевиков преобладали сравнительно умеренные взгляды, да и сам Ленин с начала сентября высказывался за тактику компромиссов, нетрудно представить себе, как были ошеломлены лидеры большевиков, получив 15 сентября два письма от Ленина, написанные между 12 и 14 сентября, в которых он полностью отказался от умеренной позиции, изложенной в статье «О компромиссах» и настаивал на том, что большевики должны немедленно начать подготовку к вооруженному восстанию.

Такой, казалось бы, резкий и неожиданный поворот был обусловлен рядом взаимодополняющих факторов. С одной стороны, такие факторы, как сильные позиции крайне левых элементов в Финляндии, поддержка большинства, которую получила программа большевиков в Петроградском и Московском Советах, а также в ряде Советов на местах, повсеместные и неуклонно нараставшие волнения безземельных крестьян, дальнейшее разложение армии на фронте и все более настойчивые требования солдат немедленного мира, наконец, признаки нарастания революционных настроений в германском флоте, очевидно, вызвали у Ленина надежду на то, что в данный момент, если большевики возьмут власть, им обеспечена мощная поддержка в городах, широкого и упорного противодействия в деревне и на фронте не будет, а образование подлинно революционного правительства в России послужит толчком к массовым выступлениям в других европейских странах. И конечно, когда Ленин осознал возможность быстро добиться принятия резолюции по вопросу о создании крайне левого правительства, он утратил интерес к компромиссам с умеренными социалистическими партиями. С другой стороны, Ленин, по-видимому, испытывал опасения, что Временному правительству удастся тем или иным способом «выпустить революционный пар» — путем вступления в переговоры о сепаратном мире, сдачи Петрограда немцам, проведения выборов в

Учредительное собрание или спровоцировав и подавив стихийное восстание неорганизованных народных масс. По-видимому, Ленин опасался и того, что, если партия большевиков проявит медлительность, она начнет терять влияние и авторитет в массах и окажется не в силах предотвратить полную анархию в стране.

В первом из двух писем, адресованном Центральному, Петербургскому и Московскому комитетам РСДРП (б), Ленин писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее...» «Демократическое совещание, — указывал Ленин, — не представляет большинства революционного народа, а лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи... Почему должны власть взять именно теперь большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера делает наши шансы во сто раз худшими». Ленин отмечал, что речь идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле — выбор момента должен быть возложен на лидеров большевиков на местах. Теперь же, указывал Ленин, партия должна воспользоваться тем, что на Демократическом совещании она имеет фактически свой съезд, задача которого — на очередь дня поставить «вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства». В заключение Ленин утверждает, что, взяв власть сразу в Петрограде и в Москве (не имеет значения, в каком городе большевики выступят раньше), «мы победим безусловно и несомненно» [27].

Во втором письме, озаглавленном «Марксизм и восстание» и адресованном только Центральному Комитету, Ленин опровергает оппортунистическую ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как к искусству, есть «бланкизм». По мнению Ленина, восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор и не на партию, а на пролетариат, оно должно опираться на революционный подъем народа. Наконец, победа восстания возможна только в том случае, если оно происходит в момент, когда «активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции». Подчеркивая, что «раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революции», Ленин в своем письме разъяснил, почему немедленное вооруженное восстание было «в порядке дня». Он сравнил сложившееся положение с положением в дни июльских событий, отметив, что тогда большевики еще не имели достаточной поддержки пролетариата, теперь же, после «расправы» с большевиками и корниловщины, большевики имеют большинство в обоих Советах — Московском и Петроградском. В июле не было всенародного революционного Подъема, теперь, после корниловщины, он был. Наконец, тогда не было серьезных колебаний среди врагов большевиков, теперь колебания «гигантские». «Политически мы не удержали бы власти 3 — 4 июля, — писал в заключение Ленин, — ибо армия и провинция, до корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер. Теперь картина совсем иная. ... Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания». Ленин требовал, чтобы Центральный Комитет сплотил фракцию большевиков на Демократическом совещании, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся», указывал, что необходимо составить краткую декларацию, «чем короче, чем резче будет декларация, тем лучше», «подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства... необходимость немедленного перехода всей власти в руки революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом». Большевики, «прочтя эту декларацию, призвав решать, а не говорить, действовать, а не писать резолюции», должны «всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы...». Одновременно, указывал Ленин, чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, то есть как к искусству, необходимо, не теряя ни минуты, «организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство...

мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т.д.» [28].

Неудивительно, что первая реакция лидеров петроградских большевиков на эти письма была примерно такой же, как их реакция на ленинские «Письма из далека». «Мы все ахнули, никто не знал, что делать. Все недоумевали первое время», — вспоминал несколько лет спустя Бухарин [29]. Вечером 15 сентября члены Центрального Комитета спешно направились из Александрийского театра на чрезвычайное заседание, чтобы обсудить ленинские письма. Присутствовали не только члены ЦК, постоянно находившиеся в Петрограде и осуществлявшие повседневное руководство партией (то есть Бубнов, Дзержинский, Иоффе, Милютин, Свердлов, Сокольников, Сталин и Урицкий), но также и Каменев, Коллонтай и Троцкий (для Троцкого это заседание ЦК было вторым после его освобождения из тюрьмы), представители московской организации большевиков Бухарин, Ломов, Ногин, Рыков и представитель ЦК на Кавказе Степан Шаумян. Большинству присутствовавших были розданы копии ленинских писем, чтобы они могли предварительно обдумать их [30]. Опубликованный протокол прений чрезвычайно отрывочен [31]. Центральный Комитет решил в ближайшее время назначить заседание, специально посвященное обсуждению тактических вопросов. Предложение Сталина разослать ленинские письма в наиболее важные организации для обсуждения было отклонено, несмотря на то что Ленин адресовал свое первое Письмо не только Центральному Комитету, но и Петербургскому и Московскому комитетам. Более того, большинство присутствовавших выступало за то, чтобы без лишнего шума уничтожить ленинские письма. Бухарин впоследствии утверждал, что ЦК рассмотрел вопрос об уничтожении писем и единогласно постановил их сжечь [32]. Как отмечено в официальном протоколе, члены ЦК проголосовали за сохранение лишь одного экземпляра каждого письма и принятие соответствующих мер, чтобы предотвратить выступление масс.

Об опасениях Центрального Комитета вспоминал позже Ломов: «...мы боялись, как бы это письмо не попало к петербургским рабочим, в райкомы. Петербургский и Московский комитеты, ибо это внесло бы сразу громадный разнород в наши ряды... мы боялись: если просочатся слова его к рабочим, то многие станут сомневаться в правильности линии всего ЦК» [33]. В качестве дополнительной меры предосторожности на заседании ЦК 15 сентября было решено возложить на представителей ЦК в Военной организации и Петербургском комитете (соответственно Свердлова и Бубнова) личную ответственность за то, чтобы в казармах и на заводах не звучали призывы к немедленному выступлению в духе требований Ленина.

Итак, на время, призывы Ленина к свержению Временного правительства бесцеремонно игнорировались. По сути, поведение делегации большевиков на Демократическом совещании изменилось после получения ленинских писем только в том отношении, что Троцкий перестал говорить о возможности формирования совещанием правительства как о первом шаге к передаче власти Советам — теперь он категорически настаивал на непосредственной передаче Советам всей политической власти. Эта на первый взгляд малозначительная, но в действительности весьма существенная перемена привела к жаркому спору между Троцким и Мартовым на заседании фракции делегатов от Советов рабочих и солдатских депутатов 18 сентября. Мартов выступал за создание Демократическим совещанием социалистического правительства на широкой основе, включая представителей всех основных группировок, приглашенных на совещание. Возражая Мартову, Троцкий утверждал, что состав Демократического совещания таков, что давать ему всю полноту государственной власти, доверять решение вопроса о правительстве было бы опрометчивым шагом. Напротив, настаивал Троцкий, совершенно необходимо передать власть Советам, которые проявили себя как могучая творческая политическая сила [34].

Большевики не прекратили своих усилий, направленных на то, чтобы повлиять на делегатов совещания, убедить их порвать с буржуазией и сделать первые шаги к созданию революционного правительства. Декларация большевиков по вопросу о власти, программа, одобренная Центральным Комитетом 13 сентября и, как отмечалось выше, основывавшаяся

в значительной мере на положениях статьи Ленина «О компромиссах», были зачитаны на заседании Демократического совещания 18 сентября. В этот вечер, отвечая на призывы большевиков, 150 делегатов от петроградских фабрично-заводских рабочих и воинских частей организовала возле Александрийского театра демонстрацию в поддержку создания правительства, сформированного только из социалистов. Итак, вместо того чтобы покинуть Демократическое совещание и идти в массы с призывами к вооруженному восстанию, на чем настаивал Ленин, партия большевиков проводила работу по мобилизации рабочих и солдат на оказание давления на Демократическое совещание, чтобы заставить его пойти более радикальным курсом [35].

Ленин воспринял оглашение декларации на Демократическом совещании как несомненное свидетельство того, что руководство партии отвергло его указания, содержащиеся в письмах от 12—14 сентября. Несомненно, еще больше должно было подействовать на него появление 16 сентября в газете «Рабочий путь» написанной им в начале месяца статьи «Русская революция и гражданская война», причем с указанием автора. Центральный Комитет, таким образом, не только принял меры, чтобы ленинские призывы к вооруженному восстанию не дошли до массы рядовых членов партии, он позаботился о доведении до масс более умеренных взглядов Ленина, выражавшихся им неделей раньше, создавая тем самым впечатление, что такой была точка зрения Ленина в настоящий момент [36].

Именно теперь Ленин принял решение немедленно вернуться в Петроград вопреки запрету Центрального Комитета (якобы по соображениям безопасности). Без ведома ЦК 17 сентября (или в один из ближайших дней после 17 сентября) Ленин прибыл из Гельсингфорса в Выборг и уже отсюда известил Крупскую и Свердлова — но не ЦК — о своем непреклонном решении вернуться в Петроград [37].

Тем временем делегаты Демократического совещания в течение четырех дней (14—18 сентября) проводили бесконечные собрания по группам и партийным фракциям и общие заседания, на которых обсуждались всевозможные вопросы, касающиеся характера будущей власти и правительства. После длительных словопрений 19 сентября состоялось голосование по вопросу о власти, однако, по сути, вопрос не был решен, и все заинтересованные стороны потерпели полное фиаско. Согласно заранее установленному президиумом порядку, делегаты должны были сначала выразить свое отношение к идее коалиции в принципе. Далее, делегатам предложили проголосовать за или против каждой из двух предложенных поправок: 1) об отстранении элементов кадетской партии и других группировок, замешанных в корниловском мятеже, от участия в коалиции и 2) о безоговорочном отказе от коалиции с кадетами вообще. Наконец, ставилась на голосование резолюция в целом с соответствующими поправками.

Поименным голосованием, продолжавшимся пять часов, Демократическое совещание одобрило принцип коалиции с буржуазией (766 голосов за, 688 против и 38 воздержавшихся). Результаты голосования подтвердили обоснованность опасений большевиков относительно состава совещания: представители Советов рабочих и солдатских депутатов и профсоюзов в подавляющем большинстве проголосовали против союза с буржуазией, но все же перевесили голоса гораздо более многочисленных делегатов от Советов крестьянских депутатов, воинских комитетов, земств и кооперативов, которые выступали за коалицию [38]. Затем были поставлены на голосование две предложенные поправки. Выступая перед голосованием от имени большевиков, Троцкий высказался за принятие обеих поправок. Такое же мнение было выражено представителем меньшевиков-интернационалистов Мартовым и представителем левых эсеров Камковым. Обе поправки прошли, к неудовольствию многих, хотя, очевидно, не всех делегатов, выступавших за коалицию в принципе. Резолюция в целом с принятыми поправками (то есть одобрение принципа коалиции, но отказ от союза с кадетами и другими группировками, запятнавшими себя оказанием поддержки Корнилову) практически никого не удовлетворяла. Большевики, конечно, голосовали против резолюции, к ним присоединились многочисленные сторонники коалиции, которые просто не могли себе представить жизнеспособное коалиционное правительство без кадетов. За резолюцию с поправками было подано лишь 183 голоса, 813 делегатов голосовали против, и 80 воздержались от голосования [39].

В ходе четырехдневных ожесточенных дебатов выявились острые разногласия между «демократическими группами», но абсолютно ничего не было решено относительно состава будущего правительства. Отношение социалистов к власти и правительству оказалось, пожалуй, еще более противоречивым и запутанным, чем до голосования 19 сентября. Президиуму Демократического совещания было совершенно ясно, что такое положение продолжаться не может, поэтому по его настоянию еще до закрытия заседания 19 сентября делегаты приняли решение продолжать Демократическое совещание до тех пор, пока не удастся так или иначе прийти к взаимоприемлемому соглашению о программе будущего правительства и условиях его формирования и функционирования.

На следующий день состоялись назначенные президиумом дебаты с целью найти выход из тупика. Ожесточенные споры, в которых участвовали члены президиума и представители разных партий и группировок из числа делегатов совещания, начались утром и закончились только вечером. Ссылаясь на выявившиеся огромные разногласия в рядах демократов по вопросу о власти и правительстве, Церетели утверждал, что правительство, состоящее только из представителей демократических партий, не может быть жизнеспособным. Ему вторили Гоц и Авксентьев, которые вновь твердили о необходимости сохранить в той или иной форме политический союз с буржуазией. Основным оратором от большевиков выступил Каменев, который не особенно убедительно ссылался на то, что не далее как вчера идея создания коалиционного правительства была решительно отвергнута, и настаивал на необходимости создания однородного демократического правительства. Чтобы успокоить умеренных социалистов насчет того, каким будет отношение большевиков к такому правительству, Каменев категорично утверждал, что свергать такое правительство большевики не будут, напротив, они будут его поддерживать, пока оно идет демократическим курсом и ведет страну к созыву Учредительного собрания. Наговорившись до хрипоты, делегаты приступили ли к голосованию по вопросу о коалиции — против голосовали 60 делегатов, за коалицию было подано 50 голосов.

В связи с тем, что мнения и голоса разделились почти поровну, Церетели предложил пойти несколько иным путем. Он предложил попытаться добиться единства мнений по вопросу о политической программе будущего правительства, предоставив решать проблему конкретного состава правительства постоянному представительному органу, который следует избрать на Демократическом совещании и перед которым правительство будет нести ответственность вплоть до созыва Учредительного собрания. В дальнейшем это предложение было принято. Что касается линии, которую должно было проводить новое правительство, большинство делегатов высказалось за Программу 14 августа [40], возражали только большевики. Однако большевики, как и другие участники этого собрания, поддержали идею создания постоянного представительного органа [41].

Каменев надеялся, что этот орган будет «однородным», что большую часть его членов составят представители Советов рабочих и солдатских депутатов и, следовательно, он окажется не столь глухим к призывам порвать с буржуазией, как демократическое совещание. Однако почти сразу же стало ясно, что подобные надежды не имели под собой никакой почвы. Вновь только большевики выразили несогласие, когда участники собрания решили, что в постоянный орган (первоначально он именовался Демократическим советом, но чаще его называли Предпарламентом) должны войти как представители партий и групп, представленных на демократическом совещании, так и представители имущих кругов. Произошло нечто прямо противоположное ходу голосования днем раньше. На заседании 19 сентября делегаты начали с того, что согласились с идеей коалиции в принципе, а затем, проголосовав против участия кадетов, фактически исключили всякую реальную возможность создания коалиционного правительства. Теперь же, 20 сентября, специальное собрание делегатов отвергло коалиционный принцип, а затем приняло резолюцию, косвенно допускающую возможность политического сотрудничества с представителями буржуазии, не исключая и кадетов [42].

Сторонники коалиционной власти не преминули тут же воспользоваться открывшейся возможностью. В тот же вечер, 20 сентября, на пленарном заседании была принята внесенная Церетели резолюция, согласно которой задача окончательного решения вопроса о власти возлагалась на Предпарламент. Резолюция предусматривала, помимо прочего, что правительство будет проводить линию, направленную на реализацию Программы 14

августа, что в области внешней политики оно будет стремиться к заключению мира между всеми воюющими государствами, что оно будет подотчетно и ответственно перед постоянным представительным органом, который впредь до созыва Учредительного собрания будет считаться органом, выражающим волю всего народа. В резолюции отмечалось, что этот представительный орган, то есть Предпарламент, должен состоять из делегатов Демократического совещания. Возможность участия представителей буржуазии в Предпарламенте или правительстве конкретно не оговаривалась, но в закамуфлированной форме резолюция допускала возможность образования новой коалиции, ибо в ней содержалось туманное указание на то, что если в состав правительства войдут буржуазные элементы, то состав постоянного представительного органа должен быть расширен посредством включения в него представителей буржуазии. В резолюции, впрочем, делалась оговорка, что в этом случае должно быть обеспечено преобладание демократических элементов. Наконец, резолюцией предусматривалось выбрать из числа делегатов пять человек (в дальнейшем эта цифра удвоилась), которые должны начать переговоры с целью облегчить формирование правительства» соответствии с положениями данной резолюции. Этим делегатам вменялось в обязанность информировать Демократический совет о результатах их усилий, совет же должен был утверждать их отчеты [43]. Итак, долгожданное Демократическое совещание закончилось, в сущности, безрезультатно — на нескольких еще не названных делегатов возлагалась задача найти приемлемый выход из правительственного кризиса которая оказалась не под силу более чем тысяче делегатов Демократического совещания.

Отчасти в связи с тем, что противники дальнейшего сотрудничества с буржуазией не хотели участвовать в официальных переговорах с Керенским, в назначенной для переговоров группе делегатов Демократического совещания преобладали видные сторонники коалиции в Совете, такие, как Церетели, Авксентьев, Гоц и Чхеидзе, а также представители кооперативов и земств, которые считали, что Россия ни в коем случае не может обойтись без участия в правительстве представителей крупной буржуазии. 22 — 24 сентября делегация вела переговоры, зачастую больше похожие на препирательство, с Керенским, другими министрами, представителями ЦК кадетской партии и представителями петроградских и московских промышленников. Как и следовало ожидать, представители буржуазии не соглашались принять Программу 14 августа за основу правительственной политики. Не отвергая целиком идею Предпарламента, они настаивали, что юридическим правом на создание подобного органа обладает только Временное правительство и что ни при каких обстоятельствах новое правительство не может быть ответственным перед Предпарламентом; другими словами, последнему отводилась роль всего лишь совещательного органа, не более того. В то же время Керенский категорически настаивал на необходимости формирования нового коалиционного кабинета министров.

Членам делегации Демократического совещания пришлось выбирать — отказаться ли от наиболее спорных положений Программы 14 августа и молчаливо признать независимость правительства от Предпарламента или порвать с Керенским и отказаться от мысли ввести в правительство представителей буржуазии. Как и следовало ожидать, они выбрали первый путь. Тактика делегации во главе с Церетели на политических переговорах 22 — 24 сентября была в известном смысле противоположной той тактике, которой Церетели следовал на Демократическом совещании. На совещании ему удалось добиться соглашения, обеспечившего возможность коалиции, оставив в стороне вопрос о том, кто именно должен войти в кабинет, и сосредоточив общее внимание на той линии, которую должно будет проводить новое правительство, каким бы ни был его состав; теперь же, столкнувшись с упорным нежеланием принять Программу 14 августа в качестве основы правительственной политики и несогласием на ответственность правительства перед Предпарламентом, Церетели был вынужден не придавать особого значения этим обстоятельствам и подчеркивать решающее значение союза между демократией и буржуазией как единственно возможной основы для избавления России от всех ее бед.

На последнем этапе переговоров Программа 14 августа была пересмотрена и «смягчена» настолько, что стала приемлемой для кадетов. На этот раз было решено, что правительство быстро подготовит и издаст декрет, узаконивающий Предпарламент, и что в этот орган, переименованный в Совет республики (его, впрочем, по-прежнему чаще всего называли Предпарламентом) , войдут уже выбранные 367 членов из числа делегатов

Демократического совещания и еще до 150 представителей имущих классов. Подразумевалось также, что с юридической точки зрения это будет чисто совещательный орган и, главное, правительство останется вне сферы его юрисдикции [44].

Поздно вечером 23 сентября состоялось заседание Предпарламента (в составе, избранном перед закрытием Демократического совещания), на котором была отвергнута внесенная Троцким резолюция большевиков, назвавшая переговоры делегации во главе с Церетели предательством чаяний народных масс и требовавшая обеспечить «истинно революционную власть». Однако незначительным большинством голосов была принята резолюция, внесенная Даном, которая явилась, по сути, молчаливым одобрением результатов переговоров. Теперь делегатам оставалось только ждать, когда Временное правительство введет в состав Предпарламента новых членов — представителей буржуазии. Керенский получил возможность официально назвать членов нового коалиционного кабинета, что он и сделал 25 сентября. В состав кабинета вошли четыре кадета — Коновалов, Кишкин, Смирнов и Карташев. Хотя большинство портфелей получили социалисты, важнейший портфель министра иностранных дел остался у Терещенко; Коновалов стал министром промышленности и заместителем премьер-министра, а Керенский остался главой правительства и верховным главнокомандующим [45].

На следующий день (21 сентября) после того, как Демократическое совещание приняло резолюцию Церетели, санкционировавшую переговоры с Керенским по вопросу о формировании нового правительства (но до того, как результаты переговоров стали известны), члены ЦК собрались, чтобы обсудить линию партии в настоящий момент и на ближайшее будущее. Что касается этого заседания, удивительнее всего, пожалуй, то, что даже сейчас, когда Демократическое совещание наглядно продемонстрировало нежелание отказаться от политики, направленной на создание коалиционной власти, призывы Ленина поднимать массы на вооруженное восстание даже не рассматривались. По всей вероятности, это объясняется, в частности, влиянием правых большевиков, таких, как Каменев, Рыков и Ногин. Однако даже партийцы, полностью разделявшие взгляды Ленина относительно возможности и необходимости революции в России, сомневались в возможности немедленно мобилизовать вооруженные массы. Благодаря постоянному общению с рабочими и солдатами такие видные большевики, как Троцкий, Бубнов, Сокольников и Свердлов, имели возможность реально оценить пределы влияния и авторитета партии в массах, а также степень приверженности последних к Советам как законному оплоту демократии, обеспечивающему всем подлинно революционным группировкам возможность совместной деятельности на благо революции. Кроме того, после корниловщины их гораздо меньше, чем Ленина, заботил Керенский и его возможности нанести урон левым силам. Теперь они были склонны связывать взятие власти и образование нового правительства с созывом в недалеком будущем Всероссийского съезда Советов, имея в виду использовать преимущество законности Советов в глазах народных масс.

Следует также отметить, что сразу после Демократического совещания правые большевики тоже выступали за скорейший созыв Всероссийского съезда Советов и провозглашали лозунг «Вся власть Советам!». Существенное различие между «ленинцами по духу», такими, как Троцкий, и правыми большевиками, подобными Каменеву, заключалось в том, что, если первые считали, что съезд Советов должен передать власть правительству из крайне левых элементов, готовых немедленно заключить мир и осуществить широкую программу радикальных внутренних реформ, вторые рассматривали съезд Советов как средство обеспечения более широкого и прочного альянса «демократических групп», способного, самое большее, сформировать исключительно социалистическое коалиционное правительство на время до созыва Учредительного собрания.

Итак, главным вопросом, по которому расходились мнения руководителей петроградского руководства партии большевиков, когда работа Демократического совещания приближалась к завершению, отнюдь не был вопрос о немедленной подготовке масс к вооруженному восстанию, которое информированный о призывах Ленина к восстанию узкий круг лидеров большевиков единодушно отвергал, или о немедленном созыве Всероссийского съезда Советов, который все считали необходимым. Отсутствовало единство мнений по вопросу о том, следует ли большевикам покинуть Демократическое

совещание, и следует ли войти в состав отсчитывавшего последние часы работы Предпарламента, первое заседание которого было назначено на 23 сентября. Большевикам, разделявшим взгляды Каменева, возможность воспользоваться завершением Демократического совещания и принять участие в работе Предпарламента, используя его трибуну для дискредитации сторонников коалиции и поддержания связей с колеблющимися элементами в эсеро-меньшевистском лагере, представлялась чрезвычайно ценной и важной. Они полагали, что это будет способствовать максимальному укреплению широкого социалистического блока на Всероссийском съезде Советов. Что касается сторонников Троцкого в большевистском руководстве, они рассматривали демонстративный уход большевиков с Демократического совещания и бойкот Предпарламента как необходимое предварительное условие, которое позволит на Всероссийском съезде Советов добиться решительного разрыва с соглашателями и перехода власти к Советам и пойти по новому революционному пути вперед со всеми истинно революционными группировками.

На утреннем заседании 21 сентября Центральный Комитет принял компромиссное решение по вопросу о дальнейшем отношении к Демократическому совещанию. Было решено не отзывать всю делегацию большевиков с совещания, но выразить протест против действий сторонников коалиции, отозвав большевиков из президиума. Затем девятью голосами против восьми проголосовали против участия большевиков в Предпарламенте. Поскольку голоса разделились почти поровну, члены ЦК согласились в том, что окончательное решение по вопросу о бойкоте Предпарламента будет принято на совместном заседании Центрального Комитета и большевиков — участников Демократического совещания, которое состоится, как только соберутся все делегаты [46].

Объединенное собрание членов ЦК и большевиков — участников Демократического совещания состоялось в тот же день. От имени сторонников бойкота Предпарламента выступил Троцкий, а Рыков изложил противоположную точку зрения. Многие, в том числе Сталин, присоединились к Троцкому. Каменев, Ногин и Рязанов поддержали Рыкова. Впоследствии Троцкий вспоминал, что дебаты были продолжительными и исключительно бурными. Когда дело дошло до голосования, левые потерпели поражение. Объединенные представители партии со всех концов России 77 голосами против 50 проголосовали за участие большевиков в предпарламенте. Решение было немедленно утверждено Центральным Комитетом [47].

Спустя два дня, 23 сентября, в известной мере благодаря усилиям большевиков состоялась встреча членов ЦИК с делегатами Демократического совещания от областных Советов, на которой было решено провести Всероссийский съезд Советов в Петрограде и назначена дата его открытия — 20 октября. Затем на состоявшемся 24 сентября объединенном собрании Центрального Комитета, представителей Петербургского комитета и только что сформированной предпарламентской делегации большевиков была принята резолюция о том, что деятельность большевиков в Предпарламенте должна служить целям кампании по обеспечению передачи всей власти Советам на приближающемся съезде. В резолюции отмечалось, что в сложившейся ситуации главной задачей партии является мобилизация широких масс на поддержку передачи власти Советам, расширение влияния Советов и укрепление их политического авторитета до такой степени, чтобы они могли успешно соперничать в этом отношении с правительством. В этой связи большевики должны сосредоточить усилия на укреплении связей между Советами на местах, крепить связи с другими революционными организациями рабочих, солдат и крестьян, добиваться переизбрания исполнительных органов центральных и местных Советов, все еще контролировавшихся соглашателями, проводить областные съезды Советов и, конечно, принимать все меры, чтобы безусловно обеспечить проведение Всероссийского съезда Советов в назначенный срок. В резолюции подчеркивалось, что деятельность большевиков в Предпарламенте должна носить лишь вспомогательный характер, будучи всецело подчинена задачам массовой борьбы [48].

Положение, сложившееся к тому времени в Петроградском Совете, наглядно свидетельствовало об укреплении позиций крайних левых элементов в связи с образованием уже третьего по счету коалиционного кабинета министров и ухудшением экономического положения страны. 25 сентября приступил к выполнению обязанностей новый состав президиума, в котором преобладали большевики. На пленарном заседании

Петроградского Совета при бурных аплодисментах новый президиум занял места, и Троцкий обратился к собранию:

«Позвольте вам напомнить момент из 1905 г., когда мне пришлось открыть заседание Петроградского Совета вместо арестованного Хрусталева. Тогда Петроградский Совет пережил переломный момент, который кончился нашим поражением... Мы чувствуем себя сейчас гораздо тверже, чем тогда. Но новый список министров, опубликованный в вечерних газетах и являющийся вызовом демократии, свидетельствует о том, что революция подошла к серьезному моменту. Мы уверены, что новому президиуму придется работать при новом подъеме революции. Мы все люди партий, и мы будем вести свою работу, и не раз нам придется скрестить оружие. Но мы будем руководить работами Петроградского Совета в духе права и полной свободы всех фракций, и рука президиума никогда не будет рукой подавления меньшинства» [49].

Вскоре после того, как Троцкий заверил собрание в своей решимости направлять работу Петроградского Совета в духе демократизма, большевики представили на рассмотрение депутатов подготовленную им резолюцию, в которой говорилось о нежелании петроградских рабочих и солдат оказать поддержку новому коалиционному правительству. В тут же принятой подавляющим большинством голосов резолюции выражалась уверенность, что «весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: «в отставку». И опираясь на этот единодушный голос подлинной демократии, Всероссийский съезд С.Р. и С.Д. создаст истинно революционную власть» [50].

Установка на образование новой власти и нового правительства на Всероссийском съезде Советов определяла всю деятельность большевиков во второй половине сентября. Так, начиная с 27 сентября каждый номер «Рабочего пути» выходил с крупно напечатанным на первой странице призывом: «Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Готовьтесь к Всероссийскому съезду Советов на 20 октября! Немедленно созывайте областные съезды Советов!» На первой странице номера за 26 сентября была помещена статья Зиновьева, в которой он писал о скором крахе нового коалиционного правительства, так называемого сентябрьского блока: «...Полновластным хозяином земли русской мы считаем созываемый на 20 октября съезд Советов. Если этому съезду дано будет состояться, то к тому времени опыт с «новой» коалицией, мы убеждены, окончательно провалится и ряд промежуточных элементов присоединится наконец к нашему лозунгу «Вся власть Советам!». Каждый день будет увеличивать наши силы, каждый шаг сентябрьского блока будет доказывать правоту нашей точки зрения» [51].

Весьма лаконичным и отточенным языком новая тактика большевиков была изложена в воззвании к рабочим и солдатам, напечатанном в газете «Рабочий путь» 30 сентября (авторство воззвания явно тоже принадлежит Зиновьеву; очевидно, текст обсуждался и был одобрен Центральным Комитетом). В воззвании, озаглавленном «Перед съездом Советов», говорилось, что контрреволюция не остановится ни перед чем, лишь бы не допустить созыва Всероссийского съезда Советов и Учредительного собрания. В этих условиях, говорилось в воззвании, рабочие и солдаты должны проявить бдительность и принять все меры к тому, чтобы на съезд избирались делегаты, настроенные против коалиции:

«...Будьте настороже, товарищи! Не надейтесь ни на кого, кроме как на самих себя. Не теряя ни одного часа, готовьтесь к съезду Советов, созывайте областные съезды, добейтесь того, чтобы на съезд были посланы противники соглашательства... Никаких частичных выступлений!.. Все силы сосредоточим на подготовке съезда Советов на 20 октября, — съезда, который один обеспечит созыв и революционную работу Учредительного собрания... Центральный комитет Р.С.-Д.Р.П.» [52]

1. Ровно Г.С. Как Ленин скрывался у гельсингфорского "полицмейстера". В кн.: Ленин в 1917 году. Воспоминания. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. 1967, с. 148-156; Старцев В.И. В.И. Ленин в августе 1917 года, с. 121-130; Старцев В.И. О некоторых работах В.И. Ленина первой половины сентября 1917 г. - В кн.; В.И. Ленин в Октябре и в

первые годы Советской власти. Ред. Ф р а й м а н А.Л.Л., 1970, с. 30- 31; Астрахан Х.М. и др., Ленин и революция 1917 г. Л., 1970, с. 277-284; Norman E. Saul Lenin's Decision to Seize Power: The Influence of Events in Finland, Soviet Studies, April 1973, pp. 491 -505; К о н и н М.М. В.И. Ленин и финские революционеры, -"Вопросы истории", 1967, № 10, с. 11-17.

2. Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 34, с. 119-121.

3. Там же, с. 133-139.

4. Западные историки не уделяют этим статьям почти никакого внимания. В работах советских историков, пытавшихся чуть ли не поминутно проследить развитие взглядов Ленина, высказываются противоречивые, иногда прямо противоположные оценки. Отчасти это объясняется тем, что взгляды Ленина на возможность и желательность мирного развития революции в сентябре 1917 г. и совпадение или несовпадение его точки зрения с мнениями лидеров петроградской организации большевиков долгое время оставались запретной темой, отчасти разрывом между датами написания и опубликования ленинских статей - лишь в последнее время предпринимаются серьезные попытки установить точные даты их написания. Разные мнения и оценки высказываются в таких работах, как: С о в о к и н А.М. О возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины. - "Вопросы истории КПСС", 1960, № 3, с. 50-64; С а н д и н Б.И. Ленин о соотношении мирного и вооруженного путей развития революции после разгрома корниловщины. - Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института, т. 19, вып. 2, 1958, с. 213-232; Фрумкин С.Н. В.И. Ленин о возможности мирного развития революции. - Ученые записки Рязанского государственного пединститута, т. 19, 1958, с. 29- 51; Старцев В.И. О некоторых работах В.И. Ленина первой половины сентября 1917 г., с. 28-38; Иванов Н.Я. Некоторые вопросы кризиса "правящих верхов" и тактика большевиков накануне Октябрьского вооруженного восстания. - В сб. Минц И.И. Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Материалы Всесоюзной научной сессии, состоявшейся 13- 16 ноября 1962 г. в Ленинграде, М., 1964, с. 202-214. Во всех собраниях сочинений В.И. Ленина, кроме последнего издания избранных сочинений, эти статьи расположены по порядку дат их публикации, то есть 14-27 сентября. Исследования некоторых закрытых материалов, выполненные В.И. Старцевым, позволяют сделать вывод, что они были написаны гораздо раньше, чем считалось прежде (то есть между 6 и 9 сентября).

5. Ле н и н В.И. Поли. собр. соч., т. 34, с. 229-238

6. Там же, с. 200-207.

7. Там же, с. 214-228.

8. Сокольников Г. Как подходить к истории Октября. - В: За ленинизм. М.-Л., 1925, с. 165; Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 188.

9. См.: Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. 1, с. 186-187.

10. Протоколы этого заседания см. в сб.: Первый легальный Петербургский комитет, с. 259-276.

11. Эта позиция отражена в представленной Слуцким резолюции Исполнительной комиссии, которая не была опубликована.

12. По этому вопросу см.: Троцкий Л. Соч., т. 3, ч. 1, с. 435-436.

13. За предложение большевиков было подано 519 голосов, за резолюцию "умеренных" социалистов - 414 голосов при 67 воздержавшихся.

14. Каждая воинская часть Петроградского гарнизона, независимо от численности, могла иметь хотя бы одного представителя в Петроградском Совете, тогда как норма представительства фабричных рабочих составляла один депутат на 1000 рабочих. Это обстоятельство приводило к очень большому неравенству представительства солдат, среди которых относительно велико было влияние эсеров, и рабочих, на которых большое влияние оказывали большевики. Начиная с августа большевики безуспешно добивались уравнивания представительства солдат и рабочих, требуя, чтобы от солдат также избирался один представитель на 1000 человек.

15. Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 269.

16. Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями, т. 1, с. 35; К о м и с с а р е н к о Л .А. Деятельность партии большевиков, с. 300.

17. Протоколы Центрального Комитета, с. 49.

18. См.: Старцев В.И. Из истории принятия решения об организации вооруженного восстания. - В: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 472.

19. Протоколы Центрального Комитета, с. 49-54; Троцкий Л. Соч., т. 3, ч. 1, с. 293-298, 351-357; Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 196, 206.

20. См.: Р е й м а н М. Русская революция, т. 2, с. 271.

21. "Известия", 17 сентября.

22. "Солдат", 17 сентября.

23. "Рабочий путь", 13 сентября.

24. Московский промышленник Бурышкин и один из лидеров партии кадетов Кишкин участвовали в то время в переговорах с Керенским по вопросу о будущем правительстве.

25. Отчеты о выступлении Каменева, помещенные в разных газетах, довольно значительно отличаются один от другого. См.: "Рабочий путь", 17 сентября; "Известия", 15 сентября; "Новая жизнь", 15 сентября.

26. "Известия", 16 сентября.

27. Л е н и н В.И. Поли. собр. соч., т. 34, с. 239-241.

28. Там же, с. 242-247.

29. Бухарин Н.И. Из речи тов. Бухарина на вечере воспоминаний в 1921 г. - "Пролетарская революция", 1922, №8 10, с. 319.

30. С т а с о в а Е.Д. Письмо Ленина в ЦК партии. - В сб.: Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1969, т. 2, с. 454.

31. Протоколы Центрального Комитета, с. 55.

32. Бухарин Н.И. Из речи тов. Бухарина на вечере воспоминаний..., с. 319.

33. Ломов Г. В дни бури и натиска. - "Пролетарская революция", 1927, №10(69), с. 166.

34. "Новая жизнь", 19 сентября.

35. Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 208-209.
36. Шотман А. Ленин накануне Октября. -В сб.: О Ленине..., М.-Л., 1925, т. 1, с. 116.
37. Крупская Н.К. Ленина 1917 году. -В сб.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания 1900-1922, М., 1963, с. 208; Свердлов К.Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1960, с. 283.
38. "Известия", 20 сентября; "Солдат", 20 сентября.
39. "Известия", 20 сентября.
40. Т.е. платформа, предполагавшая сочетание реформ с твердой властью, разработанная Всероссийским Исполнительным комитетом и представленная на рассмотрение Государственного совещания в Москве 14 августа.
41. "Известия", 21 сентября.
42. "Дело народа", 21 сентября; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 245-246.
43. "Известия", 21 сентября.
44. "Дело народа", 24 и 26 сентября; "Речь", 23 и 24 сентября; "Известия", 24 сентября.
45. Протоколы Центрального Комитета, с. 68; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 5, с. 263-264, 275.
46. Протоколы Центрального Комитета, с. 65. В 1920г. Сталин в одном из своих выступлений заявил, что после Октября Ленин признал правоту лидеров петроградской организации большевиков, отвергнувших в то время предложенный им тактический курс. См.: Trotsky L., The Stalin School of Falsification, translated by John G. Wright, New York, 1962, pp. 200-201.
47. Протоколы Центрального Комитета, с. 65, 261 -262; Троцкий Л. Соч., т. 3, ч. 1, с. 301 - 302, 359, 441 - 442; Комиссаренко Л.А. Деятельность партии большевиков, с. 332-333.
48. "Рабочий путь", 29 сентября. Революционное движение в России в сентябре. Общенациональный кризис, с. 74-75.
49. "Известия", 26 сентября; "Рабочий путь", 27 сентября,
50. Там же, см. также: Троцкий. соч., т. 3, ч. 1, с. 317-318.
51. "Рабочий путь", 26 сентября.
52. "Рабочий путь", 30 сентября. 23 сентября позиции правого крыла большевиков в ЦК усилились, так как к ним присоединился Зиновьев, который начал регулярно принимать участие в заседаниях. В то же время Троцкий, представитель левого крыла партии, почти неделю (начиная с 28 сентября) не принимал участия в работе ЦК и Петроградского Совета в связи с болезнью. Протоколы Центрального Комитета, с. 67-75; Рейман М. Русская революция, т. 2, с. 287.